

ШМИДТ К. Х.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ СИСТЕМ КАРТВЕЛЬСКОГО И ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

Настоящая статья содержит не столько типологическое сравнение отдельных фактов, засвидетельствованных в картвельских/южнокавказских и/или индоевропейских (далее — и.-е.) языках, сколько сопоставление моделей, возникающих в результате исторического сравнения и генетической реконструкции так называемых индоевропейского языка-основы (ИЕ) и картвельского языка-основы (К), или праиндоевропейского и пракартвельского. Структурное сопоставление языков-основ исходит из признания того факта, что результат реконструкции, как и любая другая языковая система, соответствует определенному языковому типу. «Всякая генеалогическая классификация, устанавливая факт и степень родства между данными языками, определяет в то же время и некоторый общий для них тип. Материальные отождествления форм и элементов форм приводят к выявлению формальной и грамматической структуры, присущей определенной семье. Отсюда следует, что генеалогическая классификация является одновременно и типологической» [1].

Понятия преиндоевропейский (ПИЕ) и прекартвельский (ПК) представляют собой модификацию понятий ИЕ и К и означают результат типологической интерпретации языков-основы, или праязыков, реконструированных с помощью сравнительно-исторического метода. Из-за большей временной отдаленности при такого рода интерпретирующей реконструкции, вообще говоря, гораздо труднее определить процессы языковых изменений, или диахронические трансформации, чем при полученной применением сравнительно-исторического метода прямой реконструкции¹. Иногда, впрочем, трудно решить, следует ли считать реконструкцию прямой или же интерпретирующей, так как прямая реконструкция языковых структур, опирающаяся на исторически засвидетельствованные факты, тоже должна удовлетворять типологическим принципам. Так, например, модифицированную реконструкцию системы праиндоевропейских смычных Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [3, 4; ср. также 5] можно признать как прямой, так и интерпретирующей, что фактически в большей или меньшей степени зависит от того, какую из гипотез предпочтет читатель.

Границы между прямой и интерпретирующей реконструкцией праиндоевропейской глагольной системы определяет реконструкция диатезы: в то время как прямая реконструкция приводит к номинативно-аккузативной синтагме, различные факты (общий vs. средний род, неопределенный падеж, разграничение действия и состояния) указывают на более раннюю эргативную или активную² систему. За исключением диатезы, весь материал, привлекаемый нами для типологического сравнения, получен с помощью прямой реконструкции. Рассматриваются следующие категории: 1) диатеза; 2) вид и время; 3) наклонение. Обсуждение категорий лица и числа требует, как кажется, иной постановки проблемы³. Для картвельских языков, личная флексия которых представляет собой вариацию западнокавказского языкового типа, здесь остается в основном два нерешенных вопроса: а) отношение немаркированного или суффикс-

¹ Термины см. в [2].

² О языках активного строя см. в особенности [6].

³ Ср. хотя бы [7].

рованного 3-го лица к префигированным 1-му и 2-му лицу; б) отношение инкорпорирующего типа к флективному.

1. Диатеза.

Как ПИЕ, так и ПК относятся к эргативному (или активному) типу переходного построения с пациенсом в неопределенном падеже (или номинативе) и агенсом в эргативе. В картвельских языках этот тип сохранился до настоящего времени в системе перфективного (совершенного) аориста, в то время как система имперфективного (несовершенного) презенса фактически преобразовалась в номинативную (с формой деятеля в неопределенном/номинативном падеже и объектом в дативе вместо отсутствующего аккумулятива):

(1) др.-груз. аорист *mgelman* (эрг.) *šečama cxovari* (ном.) «волк съел овцу» vs. презенс *mgeli* (ном). *šečams cxovarsa* (дат.); ср. перфект *mgelsa* (дат.) *šeučamies cxovari* (ном.) [8, с. 172].

Различие презенса и аориста, так же как переходность и непереходность, может дополнительно реализоваться с помощью аблаута:

(2)	переходный	непереходный
Презенс (ед. ч.)	<i>v-dreḳ</i> <i>s-dreḳ</i> <i>dreḳ-s</i>	<i>v-drḳ-ebi</i> <i>s-drḳ-ebi</i> <i>drḳ-ebi-s</i>
Аорист (ед. ч.)	<i>v-driḳ-e</i> <i>s-driḳ-e</i> <i>driḳ-a</i>	<i>v-derḳ</i> <i>s-derḳ</i> <i>drḳ-a</i> (см. [9].)

Употребление эргатива с аористом непереходного глагола, например, груз. *zaylma daiḡera* «собака залаяла» включает глаголы, обозначающие движение в пределах одного места..., звукопроизводство..., передвижение с одного места на другое..., и другие действия» [10]. Г. Деетерс объясняет этот тип «переносом по аналогии» [11, с. 98], в то время как Г. А. Климов усматривает в этом реликты имевшего место ранее активного типа [6, с. 223 и сл.]. Очевидно, возникшая под действием аналогии конструкция в мегрельском языке (в работе [12] к ней приведен и лазский материал) распространила функции падежа, маркированного эргативной морфемой *-k*, на непереходные построения в пределах системы аориста:

(3) мегр. перех. аорист *xuro-k* (эрг.) *‘ude* (ном.) *kodaagu* «плотник дом построил» > неперех. аорист *tiši tuta-k* (эрг.) *doḡuru* «его отец умер»⁴.

Типологическую параллель переносу по аналогии агенса переходного глагола на непереходную синтагму при «семантически активных» глаголах движения [15] представляет собой генитивное оформление агенса в древнеармянской перфективной конструкции [16]:

(4) *ew anḡeal and ayn Yisusi* (ген.) *etes zayr mi* (Мф. 9,9) «проходя оттуда, Иисус увидел человека»; *sneal Ormazdi* (ген.) ... *ekn ekaḡ aḡaji Zruanay* (Езн. 114) «когда Ормизд родился, ... пошел он и предстал перед Зрваном» [17, с. 177].

Обнаруживаемые в картвельских языках тенденции к переносу морфемы эргатива с транзитивного на интранзитивный контекст указывают на дальнейшее ослабление эргативной конструкции, и без того уже ограниченной пределами системы аориста. Они коррелируют с личными субъектными префиксами, которые в контексте непереходного глагола относятся к грамматическому субъекту в неопределенном/номинативном падеже, а в контексте переходного глагола — к древнегрузинскому агенсу в эргативе:

(5) неперех. *da-v-št-i* «я остался» vs. перех. *v-po-ve igi* «я напел его» (с одинаковым личным префиксом *v-* в обоих контекстах⁵, хотя личный префикс — как, например, в западнокавказских языках, — должен согласовываться с эргативом при переходных глаголах как с косвенным падежом, а с неопределенным/им. падежом при непереходных глаголах — как с падежом пациенса при переходных глаголах:

⁴ Ср. [13, с. 104; 14].

⁵ Ср. [18; 19; 20, с. 452].

(6) адыгейск. перех. *se we wə-se-š'e* «я (*se, -se-*) веду тебя (*we, -wə-*)» vs. неперех. *se we sə-qə-we-že* «я (*se, ! sə-*) жду тебя (*we-, -we-*)» [21, с. 97; 20, с. 450 и сл.].

Как уже было сказано, наличие эргативной или активной конструкции предполагается также и для ПИЕ. Эта гипотеза опирается на принятие трех соотносительно трансформированных дихотомий:

(7) 1) одушевленное vs. неодушевленное > общий [соответственно мужской (m.) или женский (f.)] vs. средний род; 2) эргатив (m. + f.) и, соответственно, актив vs. неопределенный падеж > номинатив (m. + f.) vs. аккузатив⁶, номинатив, вокатив, коммеморатив, форма основы в композитах, локатив без окончания; 3) глаголы действия vs. глаголы состояния > переходные/непереходные vs. непереходные.

Автор по разным поводам касался трех фаз этого процесса языковых переходов⁷, так что в данном случае считает возможным удовлетвориться лишь ограниченным комментарием: а) маркирующая и.-е. номинатив морфема *-s* восходит к древнему аффиксу эргатива, который уже в доисторическую эпоху был перенесен из переходных контекстов на непереходные; типологические параллели к этому процессу, который сначала мог происходить в «семантически активных» глаголах системы настоящего несовершенного [25], приведены выше⁸; б) в классах непереходных глаголов состояния заложены основы как и.-е., так и южнокавказского перфекта⁹: «в и.-е. в классе стативных глаголов, из которого через перфект презентного состояния (тип 1) и перфект достигнутого состояния (тип 2) развились результативные перфекты отдельных языков; в южнокавказском, напротив, они развились в непереходных описательных конструкциях состояния (аффективные конструкции в широком смысле, пассивы состояния в узком смысле) с субъектом-стимулом в дативе и тем, что аффицируется, в номинативе»¹⁰. Различение действия и состояния относится к признакам активных и раннеэргативных языков, таких, как, например, западнокавказские¹¹; в) вследствие древнего активного или эргативного характера ПИЕ и ПК в них отсутствует категория пассива, которая, однако, развивается в обеих языковых семьях независимо друг от друга на базе имеющихся категорий (отглагольные прилагательные, конструкции с основами состояния, супплетивные пары, к тому же еще медиум в и.-е., категория субъектной версии в картвельском), ср. [39]; г) интересное совпадение между и.-е. медиумом и картвельской субъектной версией состоит в том, что обе категории предполагают направленность высказывания на субъект, причем в картвельском, как правило, а в и.-е. часто в высказывание включается объект:

(8) груз. субъектная версия: *ṭani daibana* «он вымыл свое тело», ср. греч. медиум: *ἴψατο δ'αὐτὸς χεῖρας* (ил. 16, 230) «он мыл свои руки»¹²; д) в связи с категорией диезисы следует указать на каузатив, который в картвельском и в и.-е. развился как способ транзитивизации непереходных глагольных основ [42].

II. Вид — время.

Как ИЕ, так и К характеризуются флексийным аспектом (в терминологии Й. Хольта), т. е. «способом, при котором определенная форма

⁶ -т аккузатива, перенесенное затем по аналогии на основы на -о среднего рода, возводимо к древнему постфиксу аллативного значения (ср. [22]).

⁷ См. [23—27] и др. работы.

⁸ Ср. приведенный выше грузинский, лазский, мегрельский и древнеармянский материал. На типологическую мегрельскую параллель указывал, в частности, Г. А. Климов (см. [14]).

⁹ Е. Курилович [28, с. 61 и сл.] различает для и.-е. «с о с т о я н и е (перфект) vs. д е й с т в и е (в медиопассиве...)».

¹⁰ [29], ср., наконец, дискуссию об и.-е. перфекте, хеттском *hi-* спряжении и о проблеме так называемых стативов [30—38] и др.

¹¹ Ср. различение динамических и статических глаголов [24, с. 104 и сл.]; первичные стативные глаголы ограничены по своему количеству и в отношении релевантных категорий. В западнокавказских языках, однако, и отыменные глаголы получают стативные флексии: адыгейск. *se sə-č'al* «я — юноша» как *se sə- š'ə-s* «я сижу», *se sə- š'ə-t* «я стою» и т. д.

¹² Ср. [40], а также [41].

всегда обозначает одновременно и вид, и время» [43, с. 35]. Кроме бинарной оппозиции перфективной системы аориста и имперфективной системы презенса существуют еще и категории перфекта и глаголов состояния¹³. Ряды (груз. *mǝḡivebi*) картвельской системы перфекта, объединяемые в так называемую третью серию, определяются по синтаксическим и семантическим признакам; синтаксически — инверсией (по отношению к синтагме презенса): у переходных глаголов агенс стоит в дативе, пациенс в неопределенном падеже/номинативе, см. (1)¹⁴; семантически — перфект обозначает «состояние в настоящее время, представляемое как результат прошедшего действия» [11, с. 178]; термины грузинской грамматики *turmeobiti*, т. е. категория *turme* «оказывается, что» и *spaxavi akti* «действие, которое сам не видел», подчеркивают типичные способы применения перфекта¹⁵.

В древних и.е. языках употребление перфекта как высказывания о состоянии вначале ограничивается сферой соответствующих субъектов. Так называемый результирующий перфект как предварительная ступень развития претерита встречается, например, в греческом только в послегомеровскую эпоху, ср. [46]. В противоположность перфекту картвельских языков, и.-с. перфект в период развития отдельных языков проявляет тенденцию к функциональному и формальному совпадению с аористом [28, с. 94 и сл.].

Как картвельская, так и древняя и.-е. видовая оппозиция может быть описана как противопоставление точки и линии: в др.-груз. перфектив соответствует аспекту со значением «прерванности, внезапности, единичности» (*ḡvetili ertbaši ertgzisi aspekti* [47, с. 127])¹⁶, имперфектив определяется как «аспект со значением протекания, непрерывности» (*gangrǝobiti ucḡveteli aspekti* [47, с. 125])¹⁷. В картвельских и в древних и.-е. языках перфективный аорист соответствует немаркированному члену бинарной оппозиции видовой системы (ср. также [49, с. 21]), так что описание, данное А. Мейе двум аспектам древнегреческого, применимо и к древнегрузинскому: «...основа презенса обозначает процесс, рассматриваемый в своем развитии, в своей длительности; основа аориста — процесс сам по себе; первый можно обозначить линией, второй — точкой» [50]¹⁸.

Среди производных от перфективной основы аориста особое место занимает др.-груз. пермансив:

(9) др.-груз. 3-е л. ед. ч. аор. *mo-ḡl-a* «он убил»; перм. *mo-ḡl-is* (с гласным основы *i*), конъюнкт.-фут. II *mo-ḡl-a-s*, императив II *mo-ḡal-n* [8, с. 113 и сл.].

Отнесение пермансива к имперфективному виду [48, с. 79 и сл.; 47, с. 123 и сл.] требует уточнения: под пермансивом понимается древнее значение совершенного вида как в примере (9), которому в видовой оппозиции в качестве несовершенного вида соответствуют категории перман-

¹³ О глаголах состояния см. [44].

¹⁴ Здесь можно не рассматривать особое развитие лазского языка, отличающееся экспансией эргативной конструкции (с агенсом в эргативе и пациенсом в неопределенном падеже/номинативе): лазск. аор. *usta-k* (эрг.) *dokodu ozori* (неопр./нсм.) «плотник построил дом» > през. *usta-k ḡodums ozor-i*, перф. *usta-k dokodudoren ozor-i* [13, с. 103].

¹⁵ О сопоставимых категориях в других языках см. [45].

¹⁶ Ср. также [48, с. 77]: «прошедшее совершенное — однократного, точечного, завершенного вида».

¹⁷ Здесь мы не вдаемся в дискуссию об аспекте в новых картвельских языках, когда речь идет о сопоставимом с русским материалом «синтагматическом аспекте» (о термине см. [43, с. 60 и сл.]): видовая оппозиция, базируется на глагольном словообразовании — морфологически сложный глагол со значением будущего времени как перфектив и маркированный член оппозиции, который (в отличие от древнейших точечных функций перфектива, еще сохранившихся в отдельных примерах) указывает на окончание действия: новогруз. *vcer* = русск. *пишу*; новогруз. *da-vcer* = русск. *напишу*, но русск. *перепишу*; груз. *gada-vcer* = русск. *перепишемся*; груз. *vcer* (в подобных приставочных глаголах картвельских языков отсутствует систематическое построение презентных конструкций с имперфективным значением).

¹⁸ Ср. также [49, с. 16]: «Перфективность обозначает взгляд на ситуацию как на единое целое, без различия отдельных фаз, ее составляющих; при имперфективе особое внимание уделяется внутренней структуре ситуации», ср. [51; 52; 47; с. 128].

сивного (или итеративного) презенса и пермансивного имперфекта, вероятно, развившиеся позднее:

(10) 3-е л. ед. ч. перм. през. *klav-n*, 3-е л. мн. ч. *klv-ed*, перм. имперф. 3-е л. ед. ч. *klv-id-i-s*, 3-е л. мн. ч. *klv-id-i-an* [8, с. 108].

Древнейшая функция пермансива — гномическая: «Пермансив выражает общие истины, справедливые безотносительно ко времени, следовательно, встречается в сентенциях и — в соответствии с природой текста — особенно часто в высказываниях о боге» [11, с. 111 и сл.]. Гномическая функция пермансива находит типологическую параллель в гномическом аористе древнегреческого:

(11) ὅς κὲ θεοῖς ἐπιπέθῃται, μάλα τ'ἔκλυον (аор.) (Ил. 1, 218) «Кто послушен богам, того они снова услышат» (в перев. Н. И. Гнедича — «Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют» — примеч. переводчиков)¹⁹.

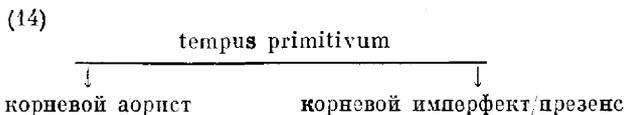
Гномический аорист, в противоположность др.-груз. пермансиву, не является формальным производным основы аориста, а совпадает с ней. Другая функция пермансива — «обозначение обычных действий», «повествование о нравах и обычаях» [11, с. 112], повторение — может привести к взаимозаменяемости с презенсом; ее следует рассматривать в противоположность гномическому употреблению как результат позднейшего развития.

Как показывает пример (10), 3-е л. перм. презенса характеризуется личными окончаниями *-n* (ед. ч.) и *-ed* (мн. ч.), которые употребляются также для образования форм императива и ингибитивного прохибитива 3-го л.:

(12) 3-е л. ед. ч., мн. ч.: императив I *kl-ev-d-i-n*, *klv-id-ed*; императив II *mo-kl-n*, *mo-kl-ed*; ингибитив *Nu iqopin čemda, tumca veziare saktmeta da codvata varskeništa* (Шуш. 3,23 и сл.) «Больше не должно ко мне относиться то, что я участвую в (злых) делах и грехах Варскена»; 2-е л. ингибитива *ni čarseqmed saxlsa amas sadedoplosa* (Шуш. 5,20) «Не разрушай больше этот царственный дом» vs. превентив *ara kac hkla* (Мф. 5,21) «не убивай (человека)».

Видовое деление прохибитива на имперфективный ингибитив (образованный от прохибитивной частицы *ni* + презенс) и перфективный превентив (образованный от отрицания *ara* + конъюнктив отражается и в других картвельских языках²⁰ и имеет типологические параллели в и.-е. языках, особенно в ведийском:

(13) превентив (*Mā pūnar gāh* (RV, X, 108, 9) «Не возвращайся!») vs. ингибитив *Parehi kṛtye mā tiṣṭhaḥ* «Уйди, колдун, не медли (дольше)!»²¹. Категория, принятая И. Швицером [53, I, с. 645] в качестве исходного пункта возникновения праиндоевропейской видовой системы, так называемое *tempus primitivum*, в той же форме можно реконструировать для пракартвельского:

Процесс дифференциации основ аориста и имперфекта/презенса, описанный Швицером [53, I, с. 640] и Каугиллом [31, с. 35], следует основной формуле: а) от корня перфективной семантики развивается система маркированного имперфекта/презенса; б) напротив (хотя и реже), корень им-

¹⁹ Ср. [53]: «Исходное применение базируется на древнейшем вневременном употреблении аориста».

²⁰ Ср. [11, с. 153; 54].

²¹ Ср. [55]: «В Ведах при прохибитивном отрицании *mā* ... регулярно стоит инъюнктив. Около 4/5 этих инъюнктивов образовано от основы аорист, остальные — от основ презенса или перфекта»; ср. с другой стороны преобладание ингибитивов в славянских языках [56]; в древнеармянском мы находим оппозицию совершенного императива и несовершенного ингибитива: *mi berer* «не неси» vs. *ber* «неси» [17, с. 94, 100].

перфективной семантики развивает маркированную систему аориста:

(15) а) др.-инд. аор. *ádhat* «посадил»: през. *dádhati* греч. (гомер.) аор. βλήτο бросил: през. βάλλω; б) санскр. s- аорист *ávāṭ* «вел, переправлял»: през. *vahati*²².

«При формальном тождестве решающую роль играет место в системе: так, архаич. греч. *ἔφα* и *ἔστα* одинаково образованы от глагольных основ *φα* и *στα*, ко *ἔφα* — имперфект, соотносимый с презенсом *φατι*, а *ἔστα* — аорист (как др.-инд. *asthāt*) от презенса *ἵσταται* (с имперфектом *ἵστατο*); *ἔστα* и по значению — только аорист, а *ἔφα* объединяет функции имперфекта и аориста» [53, I, с. 640]²³.

В других случаях перфективный или имперфективный характер глагольного корня способствует образованию супплетивной парадигмы²⁴. Легко привести картвельские параллели этих праиндоевропейских процессов:

(16) а) др.-груз. (сильный корневой) аорист vs. (маркированный) презенс: *b-* «привязывать»: *b-am-*, *kal-* «убивать»: *kl-av-*; *pgar-* «хватать, схватывать»: *pgar-ob-*; б) др.-груз. (сильный корневой) презенс vs. (слабый) аорист: *v-drek* «склоняю, гну»: *v-drik-e*; *v-čmed* «очищаю»: *čgalman gan-čmid-a igi* «вода его очистила».

Супплетивная флексия хорошо засвидетельствована (ср. [57, 58]).

(17) сванский презенс vs. аорист: *i-zb-i* «ест»: *la-l-ēm*; *i-tr-e* «пьет»: *la-iš*, *la-l-āš*; *an-γri* «приходит»: *an-qad*, фут. *ān-qd-en-i*, *an-qed-en-i*.

Что касается структуры имперфекта, то в и.-е. она включает три типа, а в картвельском — только два:

1) В древнейшем типе, засвидетельствованном для греческого и индоиранского, реликты которого можно обнаружить и в армянском, древнеиранском и старославянском, основы имперфекта и презенса совпадают:

(18) **(e)bheret* «он нес»: др.-инд. *abharat*, греч. *ἔφερε*, арм. аорист < имперф. *eber*, др.-ирл. *bered* < **bhereto*; ст.-слав. аорист < имперф. *ide* «пошел»: презенс *idetъ*.

В сванском, где нет единообразного оформления имперфекта (ср. [59]), этот тип сохранился лишь в остаточном виде²⁵:

(19) ед. ч. 1-го, 2-го, 3-го л. през. *ṭwex-en-i* «я возвращаюсь», *ṭex-en-i*, *ṭex-en-i* vs. имперф. *ṭwex-en*, *ṭex-en*, *ṭex-en*.

2) В более позднем типе основа имперфекта образуется от не всегда ясно определяемой базы:

(20) лат. *amā-ba-t*, оскск. *ju-fa-ns* «они были», литов. *darý-dav-o* (ед., дв., мн. число) «делал».

В картвельском (за исключением упомянутого выше сванского) имперфект соответствует этому типу, приведенному к единой форме на *-d* в грузинском, лазском и мегрельском. Древнее зерно этого имперфектного *-d*, возможно, представлено в сванских стативных и метастативных глагольных формах:

²² Примеры по [31, с. 35]. Что касается *vahati*, то здесь во всяком случае речь идет о тематическом образовании.

²³ Каугилл [31, с. 36] выдвинул относительно анатолийских языков гипотезу, согласно которой имперфективный вид перфективных («предельных») глаголов образуется с помощью именных производных, например, перфектив **dheH₁-t* «посадил»: имперфектив анатол. **dhóH₁-e* (= хеттск. *da-a-i*) vs. и.-е. **dhe-dheH₁-ti* (др.-инд., греч.). Это положение, однако, недостаточно принимает во внимание также засвидетельствованные в хеттском образования основы презенса (ср. [30, с. 564 и сл.; 33, с. 249 и сл.]). Каугилл [31, с. 36] пытается обойти эти сложности с помощью аргумента (вряд ли доказуемого), что эти образования в хеттском «не имеют тенденции становиться видовыми показателями, как в праиндоевропейском, но скорее сохраняют семантическую полнозначность».

²⁴ Ср., наконец, [41, с. 16], где предлагается три критерия супплетивности глагольной парадигмы в древнегреческом: «а) все формы синхронно выступают в (гомеровском) корпусе; б) ни один из ... супплетивных глаголов не появляется в аспективной или временной сфере другого (дополнительное распределение в парадигме); в) лексические (т. е. остающиеся за вычетом грамматически-категориальных компонентов) значения всех форм должны пересекаться».

²⁵ В верхнебалхском и лентехском диалектах — в непереходных глаголах с аблаутом.

(21) 3-е л. ед. ч. *ar-d* «был», *sgur-d* «сидел», *γar-d* «шел» (диалектн. наряду с *arda*, *sgurda*, *γarda*)²⁶.

3) Третий тип, характеризуемый отсутствием различия претерита и имперфекта, в и.-е. ограничен хеттским (и другими анатолийскими языками), а в картвельском, как кажется, вовсе не засвидетельствован. Во всяком случае, хеттский демонстрирует класс итеративов на *-šk-* [60, с. 74 и сл., с. 95], которые могут образовываться «от любой глагольной основы» [60, с. 74] и тем самым в известной степени представляют вариант (архаический) типа 2, но их функции шире функций имперфекта:

(22) *da-* «братъ»: *dašk-* «снова братъ», *pāi-* «давать»: *rešk-* «снова давать» и т. д.

III. Наклонение.

Если не считать хеттского, в котором категория наклонения ограничена индикативом и императивом, то и в и.-е., и в картвельском языках образование наклонений выходит за рамки двух названных; в и.-е. имеются конъюнктив и оптатив, а также различные футуральные образования; в картвельском — модальные производные от основ аориста и презенса, совпадающие с аспектуально дифференцированным футурумом, — закономерность, которую, возможно, воспринял под картвельским влиянием древнеармянский; в других и.-е. языках (например, латинском и древнеирландском) обнаруживаются параллели к переходу проспективного конъюнктива в футурум [61]. «Основа конъюнктива в и.-е. языке состоит из первичной основы и суффикса **-e/o-*, идентичного тематическому гласному по форме и по распределению /e/ и /o/» [62, с. 230]. «Основа оптатива в и.-е. языке-основе состоит из первичной основы и подверженного аблауту суффикса **-iēa₁/iē₂-* . . . со вторичными окончаниями...» [62, с. 231]. Кроме того, существует спорный по происхождению конъюнктив на *-ā*²⁷. Среди картвельских конъюнктивных образований следует рассматривать производные от сильной основы аориста как первичную основу; рефлекс конъюнктива на *e-* имеются во всех картвельских языках [11, с. 149 и сл.]. Сам материал показывает, что конъюнктив на *-a* и конъюнктив на *-i* — более позднего происхождения, не говоря уже о продуктивном образовании от основы на *-o* [11, с. 148]; их возникновение (в результате монофтонгизации) типологически сходно с распространенным конъюнктивом и.-е. тематических глаголов: др.-груз. **v-gau-a* > **vqua* > *vgo* «делал» vs. и.-е. **bhere-e-t(i)* > **bherēt(i)* [63, с. 238]. В более позднем слое с ним соотносим картвельский «имперфектный конъюнктив», или конъюнктив I [11, с. 146]. Особенно четко это выявлено в сванском, где образование конъюнктива I на *de-* предполагает два процесса:

а) развитие картвельского конъюнктива II на *-e* как производного от бессуффиксальной основы аориста сильных аблаутных глаголов:

(23) 3-е л. ед. ч. аор. *adig* «он погасил» vs. 1-е, 2-е, 3-е л. ед. ч., 3-е л. мн. ч. конъюнктива II: *odag-e* (лентехск. *adug-e*), *adag-e*, *adag-e-s*, *adag-e-x* [65, с. 164];

б) экспансию морфемы *-d*²⁸, соединившейся с *-e* в *-de*, если только *-de* вообще не перенесено в сванский из грузинско-занского. В случае с конъюнктивом I речь идет о переносе конъюнктива по аналогии с первичной основы на основы презенса и имперфекта. Надежные типологические параллели этому процессу представлены в и.-е.²⁹, например:

(24) др.-лат. *advenat* > класс лат. *adveniat* наряду с оскск. *fakiiad*, умбр. *façia*, лат. *faciat* [37, с. 150].

IV. Выводы.

И.-е. и картвельский выказывают примечательные типологические совпадения в категориях диатезы, вида, времени и наклонения, но не в категориях лица и числа, где картвельский типологически сближается с

²⁶ Тенденция перенесения морфемы *-d* на сванские имперфектные [классы] относится, конечно, к более позднему времени.

²⁷ Литературу см. [63, с. 243] и о тохарском — [64].

²⁸ Ср. выше (21) и примеч. 26.

²⁹ Ср. [66; 63, с. 239]: «Первоначально для каждого глагола была, вероятно, лишь одна форма конъюнктива».

более древней западнокавказской моделью. В случае с категорией диктеты совпадения видны особенно отчетливо, если для обеих языковых семей исходить из древнейшей эргативной или активной системы, которая объясняет ряд особенностей и в и.-е.: общий vs. средний род, неопределенный падеж, отсутствие в языке-основе пассива, перфект с собственной системой окончаний как древняя конструкция состояния и т. д. Видовременные категории в обеих языковых семьях базируются на древнейшей категории (*tempus primitivum*), которая в зависимости от семантики глаголов разделилась на а) совершенный аорист vs. б) несовершенный имперфект/презенс. В случае (а) произошло дополнительное развитие маркированной несовершенной основы презенса, в случае (б) — наоборот (хотя и реже) — маркированного совершенного аориста. Др.-груз. пермансив типологически сопоставим с греческим гномическим аористом. Имперфект либо (а) совпадал с основой презенса, либо (б) был маркирован особым способом образования. Тип (а) в и.-е. встречается еще в индоиранском и греческом, а кроме того, хотя и фрагментарно — в старославянском, древнеармянском и древнеирландском, в картвельском этот тип достаточно засвидетельствован в сванском. Что касается склонения, то индикатив и императив засвидетельствованы повсюду; интересное параллельное развитие выказывает прохибитив. Наряду с этим в и.-е., кроме хеттского, существуют образования от первичной основы (конъюнктив, оптатив), типологическую параллель которым в картвельском представляет конъюнктив II. Картвельский конъюнктив I, совпадающий с основой имперфекта, напротив, так же является результатом позднейших трансформаций, как и включенные в систему образований от основы презенса и.-е. презентные конъюнктивы (см. [24]).

Перевели с немецкого *Журиная М. А., Тестелец Я. Г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Benveniste E.* La classification des langues.— In: *Problèmes de linguistique générale.* Paris, 1966, p. 107 (русск. перев. Классификация языков.— В кн.: *Новое в лингвистике.* Вып. III. М., 1963).
2. *Schmidt K. H.* Zur Typologie des Vorindogermanischen.— In: *Linguistic Reconstruction and Indo-European Syntax.* Ed by Ramat P. Amsterdam, 1980, p. 96.
3. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных.— В кн.: *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы.* М., 1972.
4. *Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V.* Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemein-indogermanischen Verschlüsse. Vorläufiger Bericht.— *Phonetica*, 1973, 27.
5. *Hopper P. J.* Glottalized and murmured occlusives in Indo-European.— *Glossa*, 1973, 7.
6. *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
7. *Schmidt K. H.* *Miscellanea Svanica.*— В кн.: *Ежегодник иберийско-кавказского языковедения.* Т. IX. Тбилиси, 1982.
8. *Schanidze A.* *Grammatik der altgeorgischen Sprache.* Tbilisi, 1982.
9. *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.), с. 430.
10. *Harris A. C.* Georgian and the unaccusative hypothesis.— *Language*, 1982, v. 58, p. 294.
11. *Deeters G.* *Das khartwelische Verbum.* Leipzig, 1930.
12. *Климов Г. А.* Аномалии эргативности в лазском (чанском) языке.— В кн.: *Восточная филология. IV. Памяти академика Г. В. Церетели.* Тбилиси, 1976.
13. *Чикобава А. С.* Грамматический анализ чанского диалекта с текстами. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
14. *Климов Г. А.* К эргативной конструкции предложения в занском языке.— В кн.: *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов.* Под ред. Жирмунского В. М. Л., 1967.
15. *Trost K.* Die Perfektperiphrase im Altkirchenslavischen und Altarmenischen. Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax.— *IF*, 1968, 73, S. 107.
16. *Schmidt K. H.* Perfekt, Haben und Übergang von Ergativ- zu Nominativ-Konstruktion im Armenischen und Südkaukasischen.— *Revue de Kartvelologie Bedi Kartlisa*, 1982, 40, p. 286f.
17. *Jensen H.* *Altarmenische Grammatik.* Heidelberg, 1959.
18. *Deeters G.* Die Stellung der Khartwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen.— *Revue de Kartvelologie Bedi Kartlisa*, 1957, 23, p. 15.

19. *Deeters G.* Die kaukasischen Sprachen.— In: Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. 7. Bd. Leiden/Köln, 1963, S. 59.
20. *Schmidt K. H.* Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch).— In: *Home-naje a Antonio Tovar.* Madrid, 1972.
21. *Розаса Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966.
22. *Martinet A.* A Functional view of language. Oxford, 1962, p. 22.
23. *Schmidt K. H.* Probleme der Ergativkonstruktion.— Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1977, 36 (на англ. яз.: *Schmidt K. H.* Reconstructing Active and Ergative Stages of Pre-Indo-European.— In: *Ergativity. Towards a theory of gram-matical relations.* Ed. by Plank F. London, 1979).
24. *Schmidt K. H.* Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genus-systems.— In: *Festschrift für Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65-th Birthday.* II. Ed. by Brogyani B. Amsterdam, 1979.
25. *Schmidt K. H.* Ergativkonstruktion und Aspekt.— In: *Studia Linguistica in hono-rem Vladimiri I. Georgiev.* Sofia, 1980.
26. *Schmidt K. H.* Casus indefinitus bei Eigennamen.— *Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa*, 1980, 38.
27. *Schmidt K. H.* Kaukasische Typologie als Hilfsmittel für die Rekonstruktion des Vorindogermanischen.— *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.* Vorträge und kleinere Schriften, 1983, 31.
28. *Kurylowicz J.* The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
29. *Schmidt K. H.* Die vorgeschichtlichen Grundlagen der Kategorie «Perfekt» im Indo-germanischen und Südkaukasischen.— В кн.: Арнольд Степанович Чикобава. Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения. Тбилиси, 1979, с. 89 и сл.
30. *Cowgill W.* More Evidence for Indo-Hittite: The Tense-Aspect System.— In: *Pro-ceedings of the Eleventh International Congress of Linguists.* II. Ed. by Heilmann L. Bologna, 1974.
31. *Cowgill W.* Anatolian *hi*-Conjugation and Indo-European Perfect. Instalment II.— In: *Hethitisch und Indogermanisch.* Hrsg. von Neu E., Meid W. Innsbruck, 1979.
32. *Eichner H.* Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems.— In: *Flexion und Wortbildung.* Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
33. *Risch E.* Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas.— In: *Flexion und Wortbildung.* Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
34. *Neu E.* Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems.— In: *Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics.* Offered to L. R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday. Innsbruck, 1976.
35. *Oettinger N.* Der indogermanische Stativ.— *Münchener Studien zur Sprachwissen-schaft.* 1976, 34.
36. *Meid W.* Keltisches und indogermanisches Verbalsystem.— In: *Indogermanisch und Keltisch.* Wiesbaden, 1977.
37. *Rix H.* Das keltische Verbalsystem auf dem Hintergrund des indo-iranisch-grie-chischen Rekonstruktionsmodells.— In: *Indogermanisch und Keltisch.*
38. *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропей-ские истоки. М., 1981, с. 46 и сл.
39. *Schmidt K. H.* Zum Passivum im Georgischen und in indogermanischen Sprachen.— *Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa*, 1962, 13—14.
40. *Schmidt K. H.* Indogermanisches Medium und Sataviso im Georgischen.— *Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa*, 1965, 19—20 (на груз. языке: Индоевропейский медиум и субъектная версия в грузинском языке.— *Мимомхилвели*, 6—9, Тби-лиси, 1972).
41. *Strunk K.* Überlegungen zu Defektivität und Suppletion im Griechischen und In-dogermanischen.— *Glotta*, 1977, 55.
42. *Schmidt K. H.* Zur Syntax des Kausativums im Georgischen und in indogermanischen Sprachen.— *Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa.* 1966, 21—22. Paris.
43. *Holt J.* Etudes d'aspect.— *Acta Jutlandica.* Aarskrift for Aarhus Universitet. 1943, XV, 2.
44. *Шанидзе А. Г.* Основы грамматики грузинского языка. I. Морфология. 2-е изд. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.), с. 265.
45. *Lohmann J.* Ist das idg. Perfektum nominalen Ursprungs?— *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, begr. von A. Kuhn, 1937, 64.
46. *Schwyzler J.* Studien zum griechischen Perfektum.— In: *Programm zum akademischen Freisverteilung.* Göttingen, 1904.— In: *Kleine Schriften*, Bd. 2. Göttingen, 1953.
47. *Мачавариани Г. И.* Категория вида в картвельских языках.— В кн.: Вопросы структуры картвельских языков. Вып. 4. Посвящается памяти акад. АН ГССР В. Т. Топуриа. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
48. *Чикобава А. С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
49. *Comrie B.* Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and related prob-lems. Cambridge, 1976.
50. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1903 = Alabama, Copur. 1964; 4th ed., 1969, p. 249 (русск. перев.— *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.— Л., 1938).

51. *Gonda J.* The Aspectual Function of the R̥gvedic Present and Aorist. 's-Gravenhage, 1962, p. 19f.
52. *Schmidt K. H.* Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen.— *Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa*, 1963, 15—16, S. 107—115.
53. *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. I. 2. Aufl. München, 1953. II (Hrsg. von A. Debrunner). München, 1950, S. 285.— *Handbuch der Altertumswissenschaft*. 2.1.1., 2.1.2.
54. *Schmidt K. H.* Probleme des Prohibitivsatzes.— In: *Studia Classica et Orientalia A. Pagliaro oblata*. V. III. Roma, 1969.
55. *Hoffmann K.* Der Injunktiv im Veda. Heidelberg, 1967, S. 45, 78, 43.
56. *Galton H.* The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje, 1976, p. 234—238.
57. *Кастарадзе И. И.* К истории основных грамматических категорий глагола в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
58. *Гагуа К.* Недостаточные в отношении времени глаголы в сванском языке. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
59. *Мачавариани Г. И.* Прошедшее несовершенное в сванском языке и его место в системе спряжения картвельских языков.— ИГЯ, 1980, т. XXII (на груз. яз.).
60. *Friedrich J.* Hethitisches Elementarbuch. 1. Tl. Kurzgefasste Grammatik. Heidelberg, 1960.
61. *Schmidt K. H.* Konjunktiv und Futurum im Georgischen und in indogermanischen Sprachen.— *Revue de Kartvélogie Bedi Kartlisa*, 1964, 17—18.
62. *Rix H.* Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. Darmstadt, 1976.
63. *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970 (русск. перев.— *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980).
64. *Schmidt K. T.* Spuren tiefstufiger *set*-Wurzeln im tocharischen Verbalsystem.— In: *Serta Indogermanica*. Festschrift für Günter Neumann. Hrsg. von Tischler J. Innsbruck, 1982, S. 366.
65. *Топура В. Т.* Труды. I. Тбилиси, 1967, с. 164.
66. *Renou L.* A propos du subjonctif védique.— BSLP, 1932.